
ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННОЙ ДИАСПОРЫ НА ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ШАНХАЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1920–1930-Х ГГ. (1)

Ю.А. Селиверстова

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются экономические последствия присутствия иностранной диаспоры в городе, проявившиеся в складывании особенной культурной среды Шанхая и усилении имущественного расслоения горожан. Уникальное территориальное деление в сочетании с влиянием культуры Запада привели к формированию локальных культурных общностей в границах города. Стремительное увеличение населения, развития новых отраслей промышленности, активизации торговой деятельности и распространение городской массовой культуры привели к значительным социальным изменениям в жизни горожан в исследуемый период.

Ключевые слова: Шанхай, китайское общество, урбанистика, культурное взаимодействие, городская культура, традиционная и современная культура.

Изменения, происходившие в социально-экономической и культурной жизни Шанхая первой половины XX в., до сих пор остаются во многом не изученными. Вопрос влияния иностранной культуры на китайское общество вызывает оживленные дискуссии на Западе и в Китае, при этом в отечественной историографии традиционно рассматривается лишь одна сторона этой проблемы: жизнь русской эмиграции в Шанхае, Харбине и некоторых других городах. Помимо этого существует большое количество работ, посвященных идейному и политическому влиянию Советского Союза на положение дел в Китае в тот период.

При этом уникальный и интереснейший опыт взаимодействия китайского населения со 150 тыс. иностранных жителей Шанхая остается без должного внимания. Тема эта заслуживает отдельного и более глубокого изучения, так как именно в рассматриваемый период формировались многие характерные черты, определившие лицо современного Шанхая, который по-прежнему остается непохожим на остальные города Китая.

Исследование путей, по которым происходило воздействие западной культуры на жизнь китайского общества, является необходимым этапом в комплексном изучении процесса вестернизации Востока, наблюдающегося в последние десятилетия. Помимо этого анализ происходивших изменений и установление их причин и следствий являются ключом к пониманию мно-

жества социальных процессов, имеющих место в современном мире в условиях глобализации и интернационализации.

Если взглянуть на карту Шанхая, то можно увидеть, что город пересекают крупные реки и каналы, он словно разрезан на множество отдельных островов. Китайские историографы полагают, что данная особенность географического положения повлияла не только на наименования улиц и районов города, но и отразилась на восприятии окружающей действительности местными жителями (2).

Территориальная разобщенность прочно укоренилась в сознании шанхайцев, соотносивших место своего проживания и социальное положение с определенным берегом реки или канала. «На разных берегах внутренних рек селились люди из различных культурных слоев, с определенным уровнем материального достатка, а реки Хуанпу и Сучжоу являлись границей между представителями локальной культуры» (3).

Жители Шанхая традиционно разделяют современные центральные районы города на две части: «верхний угол» (*шан чжи цзяо, shangzhijiao*) и «нижний угол» (*ся чжи цзяо, xiazhijiao*). Верхним углом называют юго-западную часть Шанхая, ограниченную с севера и востока реками Сучжоу и Хуанпу. Нижним углом именуют северо-восточную часть, расположенную к северу от реки Сучжоу (в англоязычных источниках упоминается «канал Сучжоу») (4).

Река Хуанпу, на берегах которой изначально располагалась рыбацкая деревня, в будущем разросшаяся до размеров крупного торгового порта, пересекает город в направлении с юго-запада на северо-восток. Таким образом, верхний угол получил свое название благодаря тому, что располагался в верховьях Хуанпу, хотя географически он находится под нижним углом (5).

В силу исторических реалий верховье Хуанпу совпало с территорией расселения представителей более богатых, известных, предприимчивых жителей Шанхая, так называемых представителей высшего общества, которых стали именовать жителями верхнего угла. Соответственно, население с более низким социальным статусом традиционно селилось на северо-востоке Шанхая, в нижнем углу. «Примерно с 30-х гг. прошлого века жители Шанхая стали называть территорию проживания китайских бизнесменов, иностранцев, представителей интеллигенции и прочих сливок общества верхним углом. Центром этого района являлась улица Сяфэйлу (6), также туда входили дорогие кварталы города, располагавшиеся к юго-западу от нее. Районы Чжабэй, Наньши, а также районы проживания бедного китайского населения к северо-востоку от них называли нижним углом. Туда же включали и район Хункоу» (7).

Современный экономически развитый район Шанхая Пудун, сплошь застроенный небоскребами, расположен к востоку от Хуанпу. В 1920–1930-е гг. этот район был не просто дальней окраиной города, он порой даже не рассматривался как часть Шанхая. Пудун олицетворял собой глухую деревню,

совершенно отрезанную от бурлящей жизни города. Напротив Пудуна, на левом берегу Хуанпу, располагался район Пуси (название можно перевести как «к западу от реки Хуанпу»): он-то и включал в себя верхний и нижний углы. Автор целой серии работ по истории города Ма Шанлун на страницах своей книги «Женщины Шанхая» приводит популярное в те годы высказывание: «Лучше иметь одну койку в Пуси, чем целую комнату в Пудуне» (8).

Данная поговорка позволяет отметить важную деталь: даже нижний угол Шанхая, где селились достаточно бедные слои населения, считался более престижным по сравнению с Пудуном. Три дальние района города, не относившиеся ни к верхнему, ни к нижнему углам, в народе в шутку называли «Сингапуром» (9), подчеркивая удаленность их от центральных частей (10).

Жители данных районов в наименьшей степени были вовлечены в экономическую и культурную жизнь города. Можно говорить о том, что эти слои шанхайского населения не испытали на себе иностранного влияния. Таким образом, для достижения задач, поставленных в исследовании, более целесообразно сосредоточить внимание лишь на двух крупных районах Шанхая, расположенных к западу от реки Хуанпу, так как именно в этих частях города мы можем наблюдать активные социальные процессы, связанные с экономическим воздействием иностранной диаспоры.

Одними из главных следствий экономического воздействия западной диаспоры явились стремительный рост промышленного сектора города, развитие торговли и активизация финансовых потоков, протекавших через руки населения Шанхая.

Активное экономическое развитие в первой половине XX в. в свою очередь стимулировало значительный приток людских ресурсов из других стран и регионов Китая. В промежутке между 1920–1940 гг. население города росло особенно стремительно.

Если сравнить данные, которые приводят в своих заметках иностранные жители и путешественники, то можно увидеть, что в промежутке между 1930–1940 гг. население Шанхая увеличилось примерно на 50%, с 3 до 4,5 млн чел. (11). Жители соседних провинций, приезжавшие в город в поисках работы или спасавшиеся от военных действий, естественным образом селились в наименее благополучных районах. Они приезжали поодиночке или целыми семьями, стремительно пополняя ряды обитателей нижнего угла. В это же время иностранные граждане, привлеченные возможностью легкого заработка, свободой от уплаты налогов, либеральными законами, выбирали для жизни верхний угол. Представители белой миграции, в 1930-е гг. постепенно покидавшие северные территории Китая, предпочитали перебираться в более спокойные районы Шанхая (12). Для проживания они также выбирали верхний угол, так как он был наиболее европеизированным.

С годами реки и каналы Шанхая продолжали оставаться границей, разделявшей город не только по географическому признаку, но также по имущественному и культурному. Социальный состав районов по обоим берегам реки

Сучжоу отличался достаточно сильно, но при этом нельзя говорить о полной однородности населения внутри этих территорий. Деление не было абсолютным. Французский квартал являлся сердцем верхнего угла, но при этом южнее его располагался Старый город (13) с многотысячным китайским населением.

В пределах верхнего угла проживали выходцы более чем из 30 стран мира, в том числе Индии, Латинской Америки, стран Юго-восточной Азии. Имущественное положение этих слоев также разнилось, но все они были носителями иной, не китайской, культурной традиции. Значительное число жителей нижнего угла были заняты на предприятиях, располагавшихся в верхнем углу, или же они могли вести свой частный бизнес на территории концессии.

Среди китайского населения нижнего угла также выделялась отдельная группа интеллигенции, которая порой не могла позволить себе проживание в более дорогом районе, но по уровню образования и достатка явно контрастировала с большей частью китайских жителей. Ма Шанлун по этому поводу замечает: «...верхний и нижний углы примыкали друг другу слишком близко. Они располагались по двум берегам одной реки, а порой и по двум сторонам одной дороги, одна линия служила границей двух миров. Это и явилось основной причиной того, что верхний и нижний углы не имели четких разграничительных признаков, а от того были подвержены постоянным трансформациям» (14).

Для точного понимания социального состава города необходимо учесть многие факторы: активное развитие новых отраслей хозяйства, взаимодействие восточной и западной культур, сложное переплетение городских и деревенских нравов. Фильм режиссера Чжан Шучуаня «Новогодняя монета» (*Ya Suiqian*), снятый в 1937 г., наилучшим образом отражает весь спектр вышеобозначенных факторов. Сюжет фильма построен на перемещении монеты номиналом в 1 юань между жителями близких районов Шанхая 1930-х гг. Монета переходит от одного жителя к другому, раскрывая особенности городских нравов, демонстрируя контраст жизни бедного и богатого населения. Монета показывает преобладающие ценности различных классов.

Для части обладателей она лишь средство достижения удовольствий, как-то покупка фейерверка или оплата нескольких танцев с девушкой в кабаре. Для других один юань необходим для оплаты недостающей арендной платы за школьное помещение. Состоятельный предприниматель, только что оставивший свою очередную подружку, гуляет с новой пассией по самым популярным клубам и ресторанам. В его ситуации монета служит чаевыми для мальчика, открывающего дверь автомобиля. Для подростка юань является способом оплатить услуги врача, спасающего жизнь его матери. Попадая в руки к жителям различных районов города, монета за несколько дней совершает долгое путешествие, попадая снова в более благополучный квартал, к старику, который в первых кадрах фильма дарит эту юбилейную монету своей внучке в канун восточного Нового года.

Всего за несколько дней монета проходит через руки десятков людей, демонстрируя социально-экономическое положение различных слоев, их внутренние конфликты и моральный облик.

Многие состоятельные китайские семьи, в том числе и представители знатных фамилий, по имущественному положению и месту проживания с полной уверенностью могут быть отнесены к жителям верхнего угла. Но при этом большая часть шанхайцев со средним доходом располагается где-то на периферии между двумя мирами, отчего выявление их принадлежности несколько осложняется. Мы можем говорить о наличии среднего класса китайских жителей, в число которых должны быть отнесены представители бизнеса, интеллигенции, студенческой молодежи, в частности той, что обучалась за границей или в иностранных учебных заведениях, открытых в Шанхае.

Для более точного определения зоны проживания подобного среднего класса Ма Шанлун предложил использовать термин «средний угол» (*чжун цзяо, zhongzhijiao*).

Пытаясь определить социальное положение героини популярного романа о жизни Шанхая тех лет – Ван Цяо (15), он приводит такое рассуждение: «Если решать, из Шанхая она или из деревни, Ван Цяо конечно же чистокровная шанхайка, но если попытаться отнести ее к жителям верхнего или нижнего угла, то скорее всего не удастся найти для нее подходящего определения; такие девушки, как Ван Цяо, очевидно не из нижнего угла, дома стоит мебель из красного дерева, есть домработница, мать регулярно ездит шить новое *ципао* (16), какой же это нижний угол? Но и среди жителей верхнего угла она не особо смотрится, как будто наполовину не дотягивает. Она живет где-то в традиционных *лунтанах* (17), состоящих из *шикумэней*, а возможно и в современном лунтане, где плотной полосой высятся *лилуны*; возможно, она живет в районе Цзинаньсы (18), а может быть на одном из берегов Сучжоу, или даже и в районе Хункоу (19). Географически [Ван Цяо] относится к переходному типу, а с точки зрения социального статуса и уровня культуры находится на определенном расстоянии от верхнего и нижнего углов. Поэтому можно сказать, что ее место обитания – это средний угол» (20).

Рассмотрев основные социальные группы, которыми было представлено население города, следует перейти к изучению экономического воздействия Запада, по-разному отразившегося на каждой из этих групп. Для этого необходимо более подробно охарактеризовать быт и формы хозяйствования иностранных резидентов, проживавших на территории верхнего угла во Французской концессии и Международном сеттльменте.

Если принять во внимание численность китайского населения города в тот период, то получается, что западные резиденты составляли всего около 0,6% от общего числа жителей. Таким образом, оценивая влияние иностранцев на китайское общество, стоит помнить о весьма малочисленном их составе. По данным журнала «*Fortune magazine*» за 1935 г., белое население иностранных концессий оценивалось примерно в 20 000 чел.: «Исключая

25 000 русских изгнанников (которые не относятся к группе белого населения Шанхая), общее количество постоянно проживающих иностранцев, включая мужчин, женщин, детей... составляет 19 241 чел.» (21). Всего в статье упоминается о жителях 30 стран, в том числе о трех перуанцах, двух кубинцах и люксембуржцах (22).

По данным китайского историка Сунь Мэнъин, к началу 40-х гг. XX в. количество иностранцев в Шанхае достигло уже 150 000 чел. (23). Столь значительное расхождение в представленных подсчетах всего за прошествии пяти лет можно объяснить тем, что при своих вычислениях китайский исследователь включал в ряды иностранцев и японцев, и многочисленных выходцев из Юго-Восточной Азии, индусов, малайцев и прочих. При этом цифра 20 000 чел. в сообщении англичанина относится исключительно к белому населению города, более того, как уже было показано выше, туда не были включены многочисленные мигранты, бежавшие из России после Октябрьской революции и начала гражданской войны. Для нас более важными являются данные «Fortune magazine», так как в задачи исследования входит установление воздействия непосредственно западной диаспоры, а не всего иностранного населения в целом. Соответственно, в данной статье наше внимание в первую очередь будет сосредоточено на влиянии выходцев из Старого и Нового света, именовавших себя *Shanghaianders* (24), что можно перевести как «шанхайские резиденты».

Зона проживания иностранцев в Шанхае была разделена на два района: Международный сэттльмент с общим населением чуть более миллиона человек и Французскую концессию (также называемый Французский квартал), которые вместе занимали площадь более 12 кв. миль (25).

Вот как охарактеризовал иностранные поселения Джон Гантер, известный европейский журналист, посетивший Шанхай в 1939 г.: «Снаружи и вокруг ее [иностранной территории] располагался огромный Китайский город (320 кв. миль), ныне оккупированный японцами. Если говорить о Французской концессии (с населением 478, 552 чел.), фактически, да и почти формально, это часть Франции. Концессия никак не сообщается с Международным сэттльментом, управляется французским генеральным консулом, и управляется весьма неплохо. Наиболее состоятельные иностранцы Шанхая (как и многие китайцы) проживают в концессии, или как ее еще часто называют во “Frenchtown”» (26).

Мы можем видеть, что в общей сложности население иностранной зоны насчитывало 1,5 млн чел., что составляло примерно 40% от общего числа жителей Шанхая конца 1930-х гг. При общем числе некитайского населения города (включая японцев) в 150 000 чел. иностранцы составляли всего 10% жителей иностранной зоны. Получается, что как минимум еще миллион китайцев проживал в непосредственной близости с иностранным населением, ежедневно испытывая на себе его воздействие.

Многие шанхайские резиденты основались в городе еще до начала Первой мировой войны. В основном это были состоятельные семьи, приехавшие

осваивать молодую шанхайскую экономику из стран Европы и Америки, а также из владений Британской империи. С 1920-х гг. в Шанхай потянулась вторая волна миграции, привлеченная возможностями для приумножения капитала. «Некоторые из шанхайских семей изначально прибыли из городов Багдад и Бомбей (27) (будучи подданными Британской империи) и поселились здесь еще несколько поколений назад, среди них: Harpoons, Fzras, Shamoons, Flis, Kadoories; часть состоятельных граждан переселилась в Шанхай сравнительно недавно, среди них сэр Виктор Сассун. Часть внушительных состояний обитателей Шанхая была сделана на торговле опиумом; впоследствии эти деньги были инвестированы в землю, развитие текстильной и других местных отраслей. Британцы владеют в Шанхае газо- и водоснабжением, а также транспортной инфраструктурой; электричество, энергоснабжение и телефонные линии принадлежат американцам; значительная часть земель принадлежит религиозным ордерам, например французским иезуитам и испанским августинцам» (28).

Ведение дел в городе, не важно, была ли это торгово-промышленная деятельность или сфера обслуживания, требовало от иностранцев постоянного пребывания в Шанхае. Многие европейцы и американцы приезжали со своими семьями, что предъявляло гораздо более высокие требования к местным условиям жизни. С первых же лет пребывания в Шанхае, еще в XIX в., резиденты прикладывали множество усилий, чтобы все блага западной цивилизации, к которым они привыкли у себя на родине, стали доступны и в границах поселений.

С началом стремительного роста числа иностранцев процесс этот шел все быстрее и масштабнее. Иностранцы способствовали значительному ускорению естественных процессов в развитии города. Они совершенствовали систему управления и инфраструктуру города, делая его более удобным для ведения бизнеса. Одновременно они значительно изменили лицо китайского города, привнесли в городскую культуру те атрибуты западной жизни, которые не могли бы возникнуть самостоятельно на китайской земле, как-то: следование европейской моде, повышенный интерес к кинематографу и фотоискусству, популяризация танцев и спортивных соревнований. Таким образом, мы можем говорить о двух основных направлениях, через которые происходило западное экономическое влияние: прямом и опосредованном.

Рассматривая прямое воздействие иностранного бизнеса, стоит отдельно сказать об иностранной торговле. Шанхай изначально, еще до прихода иностранцев, был крупным торговым портом. С середины XIX в., когда он среди прочих приморских городов Поднебесной был открыт для прихода иностранного бизнеса, начался подлинный расцвет его экономической жизни.

С этого времени почти все внешние торговые операции, осуществляемые в порту, проходили через руки иностранцев, прежде всего выходцев с Запада. Китайское население оказалось активным образом вовлечено в выстраивание сложной цепочки посредников и перекупщиков. Ориентированность экономики города на торговлю не могла не сказаться на его населе-

нии, особенно это относится к жителям нижнего угла. Со временем у местных жителей сложилось особенное восприятие мира, некая житейская мудрость, неразрывно связанная с основной сферой их деятельности: торговлей.

Многие писатели и публицисты подчеркивали «коммерческую жилку» шанхайцев. Например, в своем письме к Ляо Лиэ Лу Синь так отметил эту важную особенность: «Местные настроения, на мой взгляд, интереснее будут, чем в Гуанчжоу, потому что здесь очень много людей разных формаций, да и печатных изданий тут больше, не так однообразно, как в Гуанчжоу. Я как в первый день приехал сюда, в газете прочел о себе сплетни, будто бы я приехал книжный магазин открывать. Просто шанхайцы привыкли смотреть на окружающих глазами бизнесменов» (29).

Известная уроженка Шанхая Чжан Айлин, посвятившая добрую половину своих заметок и романов описанию жизни своего родного города, в ответ на критику в адрес земляков написала целый рассказ «Я все же из Шанхая», где так охарактеризовала их: «Шанхайцы – это просто обычные китайцы, закаленные сильным прессингом современной жизни. Диковинные особенности новой и старой культуры сплелись воедино, результат получился весьма не важный, но зато в характере проглядывает какая-то особенная мудрость. Все вокруг говорят, что шанхайцы плохие, но «плохое» тоже имеет свою шкалу. Шанхайцы умеют льстить, заискивать перед сильными мира, добиваться выгоды для себя, потому что они обладают искусством общения, но при этом никогда не перегибают палку» (30).

Можно смело утверждать, что иностранцы внесли заметный вклад в формирование особой шанхайской культуры. Они оказали влияние на развитие предпринимательского духа и создание яркого образа жителя Шанхая, зачастую негативного окрашенного в представлениях остального китайского населения. Говоря об уникальности шанхайской культуры хайпай (hairai), контрастировавшей с культурой более северных частей Китая цзинпай (jingpai), следует сказать об еще одной ее особенности, выделяемой китайскими исследователями. Они полагают, что активная торговая деятельность местного населения в купе с влиянием западных ценностей привели к превалированию материальных ценностей в среде шанхайцев (31).

В частности, местные жители и по сей день характеризуются большей любовью к роскоши, красивой одежде, уделяют больше внимания внешнему виду.

По этому поводу Лу Синь в рассказе «Шанхайские девочки» приводит следующее описание нравов горожан: «Живя в Шанхае, одеваться по моде обходится дешевле, чем носить старомодные одежды. Если на тебе потрепанные вещи, то и водитель трамвая не остановит машину по твоему требованию, охранник в парке будет с особым пристрастием проверять входной билет, а дворецкий частного дома или консьерж в апартаментах, возможно, и не дозволит тебе войти. Вот именно поэтому некоторые горожане предпочитают ютиться в птичьих клетках и кормить клопов, но зато брюки от кос-

тюма с вечера кладут под подушку, чтобы стрелки на обеих штанинах день изо дня оставались ровными» (32).

Другим важнейшим следствием экономического воздействия Запада явилось складывание уникальной шанхайской архитектуры. Здесь речь не идет о культурном синтезе, так как большая часть новых зданий строилась иностранными архитекторами по западным образцам. Заказчиками зданий также выступали почти исключительно европейцы и американцы. В 1920–1930-е гг. население Шанхая росло особенно быстро, в результате чего территория города постоянно увеличивалась.

На этот период времени приходится бум шанхайского градостроительства, активно развивается сфера обслуживания, открываются многочисленные, новые для Китая, заведения. Архитектура Шанхая внутри иностранных поселений во многом отражала западные традиции и образ жизни (33). Развитие инфраструктуры, строительство банков, торговых бирж, крупных магазинов напрямую отвечали потребностям городского хозяйства. Эти достижения за короткий срок сделали Шанхай экономической столицей всей Восточной Азии. Сотрудниками новых банков, адвокатских контор, иностранных представительств и магазинов становились наиболее образованные молодые люди из числа китайской интеллигенции или высшего света.

Другим вектором развития градостроительства были заведения сферы обслуживания и досуга, большая часть которых предназначалась исключительно для иностранцев. В первые годы после открытия ряда заведений вход туда для китайцев был закрыт, к таковым можно отнести гостиничные залы, где проводились частные вечеринки, эксклюзивные салоны красоты, бассейны, спортплощадки для игры в теннис и баскетбол, арены для боксерских боев. Сюда же стоит отнести и сами дома, в которых проживали западные жители, будь то частный двухэтажный дом с садом или многоэтажные апартаменты, построенные европейскими архитекторами.

В первое время, пока западный стиль жизни и культура не стали популярными у китайского населения, экономический эффект от присутствия иностранцев испытывали на себе лишь бедные слои общества, выходцы из нижнего угла. Происходило это за счет найма их для обслуживания увеселительных заведений или в качестве прислуги в дома иностранцев. Неоспоримым является факт того, что комфортность существования иностранцев в Шанхае напрямую зависела от повседневного труда китайцев. Средняя западная семья ежедневно нуждалась в услугах примерно 10 наемных рабочих, не считая садовника, лодочника и отдельного конюха для пони (34).

Помимо этого, поездка в кинотеатр или на скачки, поход к портному, вечер в джаз баре вынуждали западных резидентов находиться в постоянном контакте с теми, кого они порой презирали. Внутри иностранных поселений существовала целая индустрия, создававшая рабочие места для китайского населения, ограждавшая жителей от проблем китайской части города и имитировавшая атмосферу покоя и безопасность.

С течением времени многие элементы западной культуры распространились и в китайской среде. Популяризация азартных игр, кинопросмотров, танцевальных вечеров, джаза и многого другого привела не только к большому разнообразию досуга состоятельных жителей, но и к новым формам экономического взаимодействия различных слоев. Состоятельные китайцы активно включились в освоение этих сфер, вкладывая деньги в современную индустрию.

Так, в 1932 г. наследник одной из богатейших китайских промышленных династий вложил огромные средства в строительство комплекса Paramount Hall, который среди китайцев получил неофициальное название «Первый дворец Востока». Располагавшееся в районе Цзинаньсы шестизэтажное здание представляло собой танцевальный клуб и гостиницу, по-китайски называлось «Байлэмэнь» (Ворота ста удовольствий). Уникально здание было не только своими размерами, но и современной системой подсветки. Благодаря внешнему освещению ночью здание можно было наблюдать почти из каждого уголка Шанхая, тем более что в начале 1930-х гг. мало кто из владельцев подобных заведений мог позволить себе яркое уличное освещение (35).

Новая индустрия развлечений, захватившая весь город, оказала воздействие и на более бедные слои населения. С одной стороны, она давала новые рабочие места, с другой стороны, во многом вела к упадку нравов и развращению части китайского населения. Модные показы, танцы, кино, фотоискусство, печатная продукция нуждались в постоянном притоке рабочей силы. Юноши и девушки из среднего и низшего класса оказались в числе наиболее активных участников этого процесса.

Рассматривая танцевальные заведения Шанхая того периода, мы можем увидеть, как европейская культура через опосредованное экономическое воздействие проникала в жизнь шанхайского населения. Подобная ситуация привела к тому, что вслед за распространением в среде горожан моды на парные танцы стали появляться и профессиональные танцовщицы, которые работали по найму в шанхайских клубах. Состоятельные китайцы, оценившие полезность данного рода увеселительных заведений для установления контактов, проведения переговоров, активного отдыха, получили возможность приходить в клубы без своих жен или подруг. Китайцы называли работавших в клубах девушек *унюй* (*wu-nv*), что дословно переводится как танцующая девушка, девушка-танцовщица (36).

Танцевальные залы 1930-х гг. являлись излюбленными местами проведения досуга, как шанхайской богемы, так и среднего класса. Наличие клиентов из числа известных и уважаемых людей обязывало владельцев заведений предоставлять высочайший сервис (37).

Чтобы гарантировать безопасность клиентов и сохранить хорошую репутацию заведений, управляющим приходилось строго контролировать внутренний распорядок. Танцовщицы *унюй* при приеме на работу проходили регистрацию и должны были подтвердить свои танцевальные навыки.

Так, в Paramount Hall брали на работу лишь девушек, прошедших конкурсный отбор и посетивших танцевальные классы, организованные самим заведением. Помимо этого, в лучших залах также работали профессиональные преподаватели танцев, которые во время работы заведений обучали всех желающих базовым движениям. В основном такие правила касались только самых крупных площадок, так как в заведениях среднего и низкого порядка посетители были из числа простых горожан, а наемные девушки танцовщицы набирались прямо с улицы и, как правило, часто меняли места работы (38). По данным, которые приводит в своей книге историк Си По, ежемесячный доход танцовщиц в Paramount Hall в десять раз превышал уровень заработка среднего сотрудника этого же заведения (39).

Присутствие в увеселительных заведениях Шанхая девушек, за деньги развлекавших гостей, продажа алкоголя, работа заведений до позднего часа, западная музыка и другие особенности данного бизнеса делали танцевальные клубы, джазовые вечеринки, чайные схожими с борделями Шанхая.

Противоречивость новой массовой культуры нашла свое отражение в фильме «Новогодняя монета». Одной из самых ярких сцен картины является признание певицы, выступающей в достаточно престижном месте и, очевидно, относящейся к среднему классу горожан. Устав «продавать собственную плоть» со сцены, она хочет оставить доходную работу и устраивается простой учительницей пения в китайскую начальную школу. Она желает сохранить достоинство, и поэтому обрекает себя на менее сытую жизнь в китайских лунтанах.

Анализируя деятельность иностранцев в городе, можно сделать вывод о двух основных направлениях, через которые осуществлялось западное влияние: прямом и опосредованном. Прямое воздействие выразилось в изменении структуры городского хозяйства и управления, значительном улучшении шанхайской инфраструктуры, активном развитии сферы услуг, осуществлении торговли в тех отраслях, которые прежде не были охвачены китайскими предпринимателями.

Данное влияние затронуло почти всех жителей города, вне зависимости от зоны проживания и уровня достатка.

В первую очередь это произошло благодаря созданию большого количества новых рабочих мест и определенному повышению уровня жизни. Также это влияние способствовало появлению собственного класса крупных предпринимателей среди шанхайского населения. Присутствие европейских резидентов в Шанхае, путем вовлечения большего числа китайских жителей в новые сферы экономики, вело к распространению европейского образа жизни. Многие новшества, привнесенные в жизнь шанхайцев, изначально служили цели повышения комфорта жизни резидентов, оторванных от родных мест.

Но с развитием новых тенденций в социально-экономической сфере и частичной вестернизацией горожан, созданные блага оказались востребованы и в среде китайского населения. Таким образом, экономическое влияние шанхайских резидентов опосредованно привело к распространению западной массо-

вой культуры, увеличению числа людей, занятых в сфере обслуживания, изменению эстетических воззрений шанхайцев, в первую очередь среди населения верхнего и среднего углов. Через массовую культуру шанхайцы приобщились ко многим не свойственным восточному традиционализму видам досуга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения исследовательского проекта «Воздействие иностранной культуры на социально-экономическую жизнь жителей Шанхая в 20–30 гг. XX века», поддержанного факультетом филологии НИУ ВШЭ ТЗ № 19 2012 г.
- (2) *Ма Шанлун*. Шанхай нюйжэнь (Женщины Шанхая). – Шанхай, 2007. – С. 1.
- (3) Там же. – С. 2.
- (4) Soochow Creek.
- (5) Шанхай «шан чжи цзяо» хэ «ся чжи цзяо» дэ юлай (Происхождение терминов «верхний угол» и «нижний угол» Шанхая) // <http://hi.baidu.com/fishonbund/item/a9cf721931c07d11e3f98638>
- (6) Ныне центральная улица Шанхая Хуайхайлу.
- (7) Шанхай «шан чжи цзяо»...
- (8) *Ма Шанлун*. Указ. соч. – С. 3.
- (9) В китайском языке название государства Сингапур (Sinjiapo) полностью совпадает с произношением на шанхайском диалекте первых слогов в названии этих районов: Синьчжуан, Цзядин, Пудун.
- (10) *Ма Шанлун*. Шанхай нюйжэнь... – С. 17.
- (11) См., напр.: *Gunther J.* Inside Asia. – Shanghai, 1939; *Karns M., Patterson P.* High lights, low lights, tael lights. – Shanghai, 1936; *Flying Tiger: guide to Shanghai.* – New York, 1945.
- (12) О миграции русских жителей внутри Китая в 1920–1930-е гг. подробнее см.: *Хусамутдинов А.А.* История. Русская община в Шанхае // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 5. – С. 133–138; *Ипатов А.С.* Российская эмиграция в Шанхае: русские музыканты и русская музыка (1920–1930-е гг.) // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 5. – С. 141–157 // <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/22941292>
- (13) Небольшая территория в центральной части города, зажатая в кольце улиц, где после образования иностранных поселений по-прежнему продолжало проживать китайское население Шанхая.
- (14) *Ма Шанлун*. Указ. соч. – С. 5.
- (15) *Ван Аньи*. Чан хэн гэ (Песня вечной скорби). – Пекин, 1995.
- (16) Традиционный китайский женский наряд, изначально распространенный в среде маньчжурской знати.
- (17) Традиционная форма застройки старого Шанхая, характерная как для центральных, так и для периферийных районов города. *Лунтаны* представляли собой целые улицы или маленькие районы, состоящие из отдельно стоящих *шикумэней* или же объединенных *лилунов*.
- (18) Один из центральных районов Шанхая. В 1930-е гг. Цзинаньсы ограничивал с запада Французскую концессию. В этом районе уже почти не проживали иностранцы, зато среди китайского населения он считался достаточно престижным.
- (19) Район Шанхая, расположенный севернее Международного сэттльмента. Во время японской оккупации район Хункоу был почти полностью населен японцами.
- (20) *Ма Шанлун*. Шанхай нюйжэнь... – С. 5.

- (21) The megapolis of continental Asia // Fortune magazine. – 1935. – Vol. XI. – № 1 // <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/fortune/t-fortune.htm>
- (22) Idem.
- (23) *Сунь Мэнъин*. Лаошанхай дэ янжэнь (Иностранцы старого Шанхая). – Шанхай, 2010. – С. 6.
- (24) The megapolis of continental Asia. Op. cit.
- (25) *Gunther J.* Inside Asia. – Shanghai, 1939 // <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/short/asia.htm>
- (26) Idem.
- (27) Ныне Мумбаи.
- (28) Idem.
- (29) *Лу Синь*. Письмо к Ляо Лиэ // <http://luxun.baik.com/article-282408.html>
- (30) *Чжан Айлин*. Даоди ши шанхайжэнь (Я все же из Шанхая) // Цачжи. – 1943. – № 5. – С. 16.
- (31) См. например: *Чэнь Цунвэнь*. Лунь хайпай (О хайпай) // <http://www.ccview.net/html/xiandai/wen/shencongwen071.htm>; *Лу Синь*. Цзинпай хэ хайпань (Цзинпай и хайпай) // <http://www.tianyabook.com/luxun/qjtz1/002.htm>
- (32) *Лу Синь*. Шанхайские девочки // <http://www.en84.com/thread-285-1-1.html>
- (33) См., напр.: *Сунь Мэнъин*. Лаошанхай дэ янжэнь...
- (34) Appendix III: Extract from a Taipan's Budget // Fortune magazine. – 1935. – Vol. XI. – № 1 // <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/fortune/t-fortune5.htm>
- (35) Шанхай чжэньдан (Редкие хроники Шанхая) / Под ред. Си По. – Шанхай, 2007. – С. 3–5, 9–12.
- (36) Там же. – С. 12.
- (37) *Дай Юньюнь*. Шанхай сяоцзе (Шанхайская девушка). – Шанхай, 1999. – С. 93.
- (38) Шанхай чжэньдан... – С. 11–12.
- (39) Там же. – С. 13.

CHANGES IN THE SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE SHANGHAI SOCIETY UNDER THE INFLUENCE OF THE FOREIGN COMMUNITY IN 1920–30'S

Y. Seliverstova

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

In article discussed the process of a transformation of Shanghai community This paper shows that for the proper understanding of the process of a transformation in Shanghai community it is highly important to emphasize the synthesis of Eastern and Western culture and to reveal the impact of foreign investments on the social and economic life of citizens in this period. From this perspective, we suggest that there was a significant effect resulted in social changes both within the Chinese citizens and Shanghailanders.

Key words: Shanghai, modern Chinese society, XX century China, gender history, influence of the western culture, change of traditional values.